

Труды Отдела древне-русской литературы

Том 12

ISBN 978-5-458-62518-0

На страницах ТОДРЛ публикуются статьи, посвященные самым разнообразным вопросам русистики, как источниковедческого, так и общетеоретического характера. Здесь публикуются новонайденные памятники письменности, обзоры и описания различных рукописных собраний, издаются текстологические исследования, работы по поэтике древнерусской литературы, библиографические обзоры и т. д. Содержание: Смолицкий В. Г. Вступление в «Слове о полку Игореве». — С. 5—19; Виноградова В. Л. Лексическая вторичность «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве». — С. 20—27; Еремин И. П. К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — С. 28—34; Гудзий Н. К. Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». — С. 35—41; Лукьянов В. В. Первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве» — Иоиль Быковский. — С. 42—45; Прийма Ф. Я. К истории открытия «Слова о полку Игореве». — С. 46—54; Парманин М. П. Путь Игоря Северского на половцев в 1185 году: (Заметки краеведа). — С. 55—59; Ангелов Б. Ст. «Слово о полку Игореве» и българската литература. — С. 60—7; Шольсон М. М. О первом переводе «Слова о полку Игореве» на польский язык. — С. 71—78; Будовниц И. У. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века. — С. 79—104; Лихачев Д. С. Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV века. — С. 105—115; Лурье Я. С. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства. — С. 116—140. — Из содерж. : Сказание от божественных писаний о святых иконах и о книгах, како есть должно имети. — С. 138—140; Бегунов Ю. К. Кормчая Ивана Волка Курицына. — С. 141—159; Зимин А. А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова. — С. 160—173. — Из содерж. : Послание Ф. И. Карпова старцу Филофею. — С. 172—173; Моисеева Г. Н. Казанская царица Сююн-бике и Сумбека «Казанской истории». — С. 174—187; Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков. — С. 188—225; Путилов Б. Н. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочастии». — С. 226—235; Азбелев С. Н. Новгородская третья летопись (время и обстоятельства возникновения). — С. 236—262; Щеглова С. А. Разночинно-демократический театр начала XVIII века и его репертуар. — С. 263—283; Еремин И. П. Новейшие исследования по вопросам художественной формы древнерусских литературных произведений. — С. 284—291; Алпатов М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси. — С. 292—310; Демина Н. А. Черты героической действительности XIV—XV веков в образах людей Андрея Рублева и художников его круга. — С. 311—324; Розов Н. Н. Настенные росписи на сюжеты древнерусской литературы в Воскресенском соборе в городе Тутаеве. — С. 325—333; Материалы и сообщения. — С. 335—458; Розов Н. Н. К юбилею Остромирова Евангелия. — С. 337—339; Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. — С. 340—361; Перетц В. Н. Новый список «Слова» Даниила Заточника. — С. 362—378. — Из содерж. : Слово Даниила Заточника, како писа к князю Ярославу Владимировичю. — С. 370—373; Кравченко А. Г. Московский летописный свод 1493—1494 годов по Беляевскому списку. — С. 379—386. — Из содерж. : Отрывки из летописного свода 1493—1494 годов по Беляевскому списку. — С. 381—386; Казакова Н. А. Неизданное произведение Вассиана Патрикеева. — С. 387—426. — Из содерж. : Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания и о отвержении мира, яко же пишет в житии святого Савы. — С. 409—426; Альшиц Д. Н. Неизвестные послания Ивана Грозного. — С. 427—430; Сапунов Б. В. К вопросу о прекращении деятельности первых типографий в Москве. — С. 431—441; Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII века. — С. 442—457; Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII века: [Предисловие]. — С. 442—444; Записки времени царствования Алексея Михайловича и его преемников. — С. 444—448; Записки о стрелецком бунте. — С. 448—456; Памятные записки подьячего. — С. 456—457; По рукописным собраниям Советского Союза. Печат. под наблюдением В. И. Малышева. — С. 459—524; Малышев В. И. Пижемская рукописная старина: (отчет о командировке 1955 года). — С. 461—493. Привалова Н. И. Древнерусские рукописи и старопечатные книги Областной библиотеки, Областного Краеведческого и Художественного музеев в г. Горьком. — С. 494—505; Микитась В. Л. Древние рукописи Института литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук Украинской ССР. — С. 506—509; Жаворонков А. З. Рукописные и старопечатные книги Новгородского областного краеведческого музея. — С. 510—513;

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В. Г. СМОЛИЦКИЙ

Вступление в „Слове о полку Игореве“

После длительного периода в истории изучения «Слова о Полку Игореве», когда исследователи больше всего интересовались частными вопросами: уточнением отдельных темных мест, имен и других деталей, в последнее десятилетие, наряду с продолжением этой работы, появился ряд исследований общего характера, посвященных идейному содержанию «Слова», мировоззрению его автора, жанровой природе произведения. Большой интерес, в частности, представляют работы, посвященные жанру «Слова о полку Игореве».

Несмотря на то, что вопрос этот еще до сих пор остается открытым, теперь уж, после работ И. П. Еремина, Д. С. Лихачева, А. В. Соловьева, совершенно очевиден публицистический характер произведения. Все чаще и чаще раздаются голоса, что «Слово» — «это горячая речь патриота-народолюбца, речь страстная и взволнованная, поэтически непоследовательная, то обращающаяся к событиям живой современности, то вспоминающая дела седой старины, то гневная, то печальная и скорбная, но всегда полная веры в родину, полная гордостью ею, уверенностью в ее будущем».¹

И. П. Еремин первый попытался обосновать взгляд на «Слово о полку Игореве» как на произведение ораторского, риторического жанра. Д. С. Лихачев высказался более осторожно: «Если это речь, то она близка к песне; если это песнь, то она близка к речи».² Окончательного решения этого вопроса еще нет, но уже теперь, на наш взгляд, не подлежит сомнению отличие «Слова» от героических поэм и повестей. Поэтому, рассматривая план и композицию памятника, мы не найдем здесь той последовательности в изложении исторических событий, которая характерна для произведений эпических: воинских повестей, летописи, былины, — и не должны ее искать.

Непонимание этого часто заводило исследователей в тупик, заставляло говорить об испорченности текста, делать всякие фантастические перестановки (подобно Д. Прозоровскому)³ и т. д. Эти исследователи не замечали, что план и композиция нашего памятника в том виде, в каком он дошел до нас, целостны, стройны и последовательны. Все части произве-

¹ Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» (историко-литературный очерк). В кн. Слово о полку Игореве, под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, сер. «Литературные памятники». (В дальнейшем это издание цитируется сокращенно: Сл. о п. И., ЛП).

² Сл. о п. И., ЛП, стр. 252.

³ Д. Прозоровский. Новый опыт объяснительного изложения «Слова о полку Игореве». СПб., 1881.

дения находятся в тесной логической связи, крепко спаяны общим идейным содержанием. Но стройность, последовательность и логика произведения лирического и публицистического — свои, не подчиняющиеся законам произведений эпических.

С этой точки зрения интересно запово пересмотреть вопрос об идейном значении вступления в «Слове» для самого содержания памятника.

Этот вопрос имеет свою историю.

В первом издании «Слова о полку Игореве» начало вступления было переведено следующим образом: «Приятно нам, братцы, начать древним слогом прискорбную повесть о походе Игоря, сына Святославова! начать же сию песнь по бытиям того времени, а не по вымыслам Бояновым». ¹ Первые издатели не увидели никакой связи между «старыми словесами» и «замышлением Бояна», как частным случаем тех же «старых словес». По их мнению, автор слагает песнь древним слогом, но согласно с действительными событиями, а «не по вымыслам Бояновым». Так вместе с первым изданием «Слова» возникла легенда о каких-то вымыслах, о какой-то необычайной фантазии этого певца. Но в первые годы второго рождения «Слова» эта легенда имела свое обоснование в неправильном переводе фразы: «Помняшеть бо речь пьрвыхъ времянь усобиць». ² Эти слова не относили тогда к Бояну и переводили так: «Памятно нам по древним преданиям, что поведая о каком-либо сражении, применяли оное к десяти соколам, на стадо лебедей пущенных: чей сокол скорее долетал, тому прежде и песнь начиналася». ³ При таком переводе, кроме того, что он неправилен сам по себе, для первых исследователей пропадали и те скудные известия о Бояне, какими располагаем теперь мы; зная тематику песен этого певца, мы имеем возможность установить некоторые хронологические пределы, в которых протекала жизнь Бояна. Неправильно переводя эти строки, первые исследователи относили совершенно произвольно время жизни Бояна к дохристианскому периоду и противопоставление автора Бояну понимали как противопоставление христианина язычнику. Именно так рассматривал вступление А. С. Шишков в 1805 году. По его мнению, автор-христианин считал для себя непристойным употреблять «те вымыслы, какие употреблял Боян, живучи во времена идолопоклонства». ⁴

В 1819 году было издано «Слово о полку Игореве» с примечаниями и переводом Я. О. Пожарского, выступившего с критикой многих положений Шишкова. ⁵ Касаясь вступления, Я. О. Пожарский останавливается на уточнении смысла отдельных выражений: «трудные повести», «старыми словесы» и т. д. Его перевод ближе к подлиннику, хотя и этот исследователь видит в словах о десяти соколах и лебедях описание какого-то древнего обычая, не соглашаясь только с тем, что соколов пускали князья, как это считали первые издатели и Шишков. По мнению Пожарского, соколов пускали «стихотворцы». Пожарский не останавливается на вопросе, почему автор «Слова» противопоставляет себя Бояну, очевидно считая ненужным пересматривать точку зрения Шишкова.

Первым исправил ошибку в переводе фразы «Помняшеть бо речь...» Н. Грамматин, выпустивший в начале 20-х годов XIX века «Слово о полку Игореве» со своими примечаниями и переводом. Вместо какого-то древ-

¹ Сл. о п. Иг., МП, стр. 1 (перепечатка первого издания)

² До стр. 12 текст «Слова о полку Игореве» цитируется по первому изданию

³ Сл. о п. Иг., МП, стр. 3 (перепечатка первого издания)

⁴ А. С. Шишков. Собрание сочинений и переводов, ч. VII, СПб., 1826, стр. 40

⁵ Я. Пожарский. Слово о полку Игоря Святославича удельного князя Новгород Северского. СПб., 1819.

него обычая Грамматин видит в этой фразе «поэтическое сравнение десяти перстов Бояна с десятью соколами, а струн со стадом лебедей».¹ Грамматин не давал своего объяснения вступлению, хотя после его перевода шишковская точка зрения не могла уже существовать. Если рассказ о десяти соколах и лебедях — не описание обычая, а художественный образ, относящийся к Бояну, то подвиги Ярослава, Мстислава и Романа были тематикой бояновых песнопений. Теперь уже нельзя было относить жизнь Бояна к дохристианским временам, нельзя было говорить и о выдумках Бояна, так как тематикой его произведений были исторические факты. На это последнее обстоятельство первым обратил внимание Д. Дубенский² после того, как М. Максимович впервые в 1835, а потом в 1854 году повторил мысль Грамматина.³ Дубенский был противником новой точки зрения, он отстаивал старое прочтение места о соколах и лебедях и видел доказательство правильности своей точки зрения в том, что новая, указывая на историческое содержание песен Бояна, опровергала взгляд на его песни как на вымыслы. Дубенский правильно заметил противоречие, и, хотя в конце концов победила точка зрения Грамматина и Максимовича, вопрос, им поставленный, еще ждет своего разрешения: если известно, что Боян пел о Ярославе и других исторических личностях, то какие есть основания говорить о бояновых выдумках, «которым певец не хотел следовать»?⁴

Новое прочтение фразы «Помняшь бо речь...» разделял и А. С. Пушкин, видевший здесь «блестящую аллегорию». «Дело здесь идет о Бояне, — писал поэт; — все это — продолжение прежней мысли: «Поминая предания о прежних бранях (усобица значит ополчение, брань, а не междуусобие...), напускал он и проч.»⁵ Пушкин первый обратил внимание на «противоречие» во вступлении, встречавшееся во всех известных ему переводах: «... по мнению переводчиков, поэт говорит: «Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же петь по былинам сего времени (то есть по-новому), а не по замыслению Боянову (т. е. не по-старому). Явное противоречие».⁶ Сам Пушкин пытается решить это противоречие, лишив частицу «ли» вопросительного (и вообще всякого) смысла, переводя первую фразу следующим образом: «Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна».

«Стихотворцы, — продолжает далее Пушкин, — никогда не любили упреска в подражании, и неизвестный творец „Слова о полку Игореве“ не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна».⁷ Справедливо указав на противоречие, Пушкин тоже не смог решить его.

Во-первых, нельзя не считаться с частицей «ли», которая вместе с частицей «не» в данном контексте образует широко распространенную в русском языке конструкцию, имеющую строго определенный смысл, о чем речь пойдет ниже.

¹ Н. Ф. Грамматин. Слово о полку Игоревом, историческая поэма, писанная в начале XIII в. М., 1823, стр. 93.

² Д. Дубенский. Отметки на некоторые места «Слова о полку Игореве». «Отечественные записки», т. 101, 1855. Критика, стр. 3.

³ М. Максимович, Собрание сочинений, т. III, 1880, статьи о «Слове о полку Игореве».

⁴ Д. Дубенский, ук. соч., стр. 3.

⁵ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, в 10 томах, Изд. АН СССР, М.-Л., 1949, т. VII, стр. 506.

⁶ Там же, стр. 505.

⁷ Там же.

Во-вторых, пушкинская догадка не устраняет противоречия: автор отказывается «тащиться по следам старого Бояна», мотивируя это... силой поэтического дарования Бояна, высокая оценка которого следует сразу после «отказа». О своем, новом слоге, о характерных особенностях его автор не говорит ни слова. Так и остается неясным, в чем же автор «Слова о полку Игореве» видит разницу между собой и Бояном.

Заслуга Пушкина в данном случае заключается в самом факте постановки вопроса. Им верно вскрыта неудовлетворительность всех известных ему переводов и толкований вступления «Слова». Кроме этого, Пушкин первый отметил тесную смысловую связь между выражениями: «старыми словесы» и «по замыслению Бояню». В первой фразе: «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій...» его предшественники видели вопрос только о языке, слоге произведения. Шишков переводил это место следующим образом: «Возвестим ... о походе Игоря тем слогом, каким в древние времена многотрудные повествовались подвиги».¹ Я. О. Пожарский к выражению «старыми словесы» делает примечание, что эти слова «дают знать, что в древние времена всегда старый слог предпочитался новому».²

Грамматин в комментариях к «старыми словесы» пишет еще более определенно: «т. е. старым или древним языком; какой же это был старый язык? Словенский или церковный, каковым в самом деле Слово о полку Игореве большею частью писано».³

Следующую фразу: «Начати же ся тѣй пѣсни... не по замыслению Бояню» они считали совершенно новой мыслью: певец решил создать песнь старым слогом, языком; певец отказывается следовать «замыслению Бояню». Для Пушкина уже в первой фразе о «старых словесах» разговор идет о более широком, чем язык, — о стиле произведения вообще, выражение «по замыслению Бояню» означает стиль Бояна. И в том и другом выражениях поэт видит один и тот же смысл: «петь по-старому». Впоследствии эту же точку зрения высказывал и Потебня, рассматривавший «замысление Бояню» как частный случай «старых словес».⁴

Итак, Пушкиным и Дубенским было замечено «противоречие» во вступлении. Целый ряд последующих ученых пытался решить его каждый по-своему.

В 1866 году проф. Н. С. Тихонравов издал для учащихся «Слово о полку Игореве» со своими комментариями. К выражению «старыми словесы» он сделал следующее примечание: «Автор Слова недоумевает, прилично ли ему начать печальный рассказ о современном ему походе Игоря словами старинной песни, славившей первых, старых русских князей. В старых словесах можно видеть те песни о богатырях и князьях, сложенные Бояном или другими певцами, которые в народной поэзии называются старинами».⁵

По мнению Тихонравова, автор сомневается, можно ли о печальных событиях говорить теми же словами, какими в старину пели славу, славили, можно ли печальный рассказ о современном автору походе начать словами старинных песен, славивших богатырей и князей. Таким образом, у Тихонравова получалось, что во вступлении особенности стиля рассматриваются автором в тесной связи с содержанием произведения,

¹ А. С. Шишков, Собрание сочинений и переводов, ч. VII, стр. 125.

² Я. Пожарский, ук. соч., стр. 30.

³ Н. Ф. Грамматин, ук. соч., стр. 89.

⁴ А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. 2-е изд., Харьков, 1914, стр. 8.

⁵ Н. С. Тихонравов. Слово о полку Игореве. 2-е изд., М., 1868, стр. 25. (Курсив автора).

его материалом. Эта новая мысль не была Тихонравовым достаточно развита и осталась не замеченной ни рецензентами, ни последующими исследователями. Так, в издании Я. Малашева в 1871 году «„Слово о полку Игореве“. Поэтический памятник русской письменности XII века» снова повторяется старая мысль о «вымысле Бояна», о том, что автор отказывается начинать песню по плану бояновскому, потому что Боян «прибавлял к своим песням много вымышленного, небывалого, а наш певец собирается рассказывать... по действительным событиям своего времени».¹

В 1875 году П. П. Вяземский опубликовал отдельным изданием в расширенном виде свой труд «Замечания на „Слово о полку Игореве“», частично опубликованный ранее Временником Московского общества истории и древности. По мнению этого исследователя, автор «Слова» хорошо знал («изучал») и Гомера и греческую литературу. Вяземский утверждал, что под Бояном автор «Слова» подразумевал Гомера, а во фразе «начати же ся тѣй песни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню» он видел борьбу «между классическими воспоминаниями и требованием века, озаренного христианским учением»,² т. е. по существу возвращался к старой, шишковской точке зрения.

Среди различных домыслов Вяземский справедливо указал на то, что во вступлении говорится не только о стиле произведения, но и о его содержании. Заключительной частью вступления он считает слова: «Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ старого Владимира... за землю Руськую». Эту заключительную часть он комментирует следующим образом: «Заключение, что песнь о Игоре должна начаться согласно с духом времени, протекшего от Старого Владимира. Из содержания песни видно, что певец здесь обещает говорить о междоусобиях, губивших Россию от смерти Владимира Мономаха до Игоря Святославича».³ Но мысль эта не была последовательно проведена через анализ всего вступления. Она промелькнула и затерялась среди огромной аргументации в пользу основной идеи Вяземского о греческом влиянии на автора «Слова».

В 1877 году вышла книга Вс. Ф. Миллера «Взгляд на „Слово о полку Игореве“». Ее автор рассматривал «Слово» как подражание литературным образцам — воинским повестям византийско-болгарского происхождения. Уже во вступлении он видел подтверждение своей гипотезы: «В языке и складе произведения (форме) автор считает приличным следовать воинским повестям, но содержание его повести должно быть исторически верно, должно соотноситься с событиями (былинами) и не уподобляться замышлениям поэта Бояна».⁴

С Миллером полемизировал А. А. Потебня,⁵ который в том же году выступил с собственными комментариями к «Слову о полку Игореве». В противовес Миллеру, видевшему в «Слове» только византийско-болгарское влияние, Потебня подчеркивал связь «Слова», произведения, по его словам, «личного и письменного»,⁶ с устным народным творчеством. Потебня не соглашался с Миллером и в вопросе о вступлении, считая, что оно посвящено выбору между поэтической и прозаической формой.

В 80-х годах прошлого столетия (1887—1889 годы) вышел в свет капитальный труд Е. В. Барсова «Слово о полку Игореве как художествен-

¹ Я. Малашев. Слово о полку Игореве. Поэтический памятник русской письменности XII в. М., 1871, стр. 100.

² П. П. Вяземский. Замечания на «Слово о полку Игореве». СПб., 1875, стр. 9.

³ Там же, стр. 76.

⁴ Вс. Ф. Миллер. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877, стр. 180.

⁵ А. А. Потебня, ук. соч.

⁶ Там же, стр. 1.

ный памятник Киевской дружинной Руси». Несмотря на то, что труд этот остался незаконченным, значение его велико: он как бы подводил итоги тому, что было сделано более чем за 80 лет изучения памятника. Соответственно с этим взгляд Барсова на вступление был по существу именно той точкой зрения, к которой пришли исследователи в результате почти столетнего труда. Эта точка зрения сводилась к следующему.¹

Во вступлении ставился вопрос стиля, «склада» произведения. Автор замыслил создать песнь, песенная форма делает его произведение однородным со «старыми словесами» и произведениями Бояна. Но автор чувствует себя бессильным создать такое же произведение, как и Боян, уступая ему, во-первых, «в области творческого материала», так как песнотворчество Бояна «захватывало слишком широкое поле событий и времен»; во-вторых, «в широте творческих приемов», так как «существенными чертами бояновского песнотворчества были именно широкие полеты фантазии, быстрые переходы от одного момента действия к другому»; в-третьих, «в качестве творческих созданий», так как «песнотворчество (Бояна, — В. С.) было не обычное, не человеческое, вдохновенное», в его произведениях была «идеальная стройность» композиции. Автор «находит себя вынужденным следовать требованиям повествования своей литературной эпохи и начать свою песнь с положительной действительности, прямо с исторических фактов, по былям сего времени, подчиняясь новым требованиям исторического повествования». Именно в этом смысле «автор, в самом начале наименовав „Слово“ свое песнью, затем, переходя к самому повествованию, называет его уже повестью».

Барсов разобрал вступление более подробно и обстоятельно, чем это делали до него. Его точка зрения в общих своих чертах остается господствующей и до сегодняшнего дня.

Исключение представляет, может быть, один Келтуяла, который в 1928 году издал текст и перевод «Слова» с собственной объяснительной статьей и комментариями. О вступлении он писал следующее: «Во вступлении к своему произведению автор сам отчетливо заявляет: ... свое Слово он скажет не „по замыслению“ Бояна, который в обрисовке автора выступает как великий певец — изобразитель подвигов князей, а „по былинам“ своего времени, т. е. на современном автору материале и на основании задач текущего момента».² Таким образом, по мнению Келтуялы, противопоставление автором себя Бояну основано на сравнении самого «материала» повествования, двух исторических (а не литературных) эпох, основано на различии стоявших перед певцами задач. У Бояна — рассказ о подвигах, у автора «Слова» — о неудачном походе. Сам «материал» заставил автора отказаться от попытки следовать «замыслению Бояню». Такая точка зрения перекликается с точкой зрения Н. С. Тихонравова, о которой мы уже говорили, и так же, как и та, осталась без внимания последующих ученых и переводчиков.

Сегодняшние исследователи, как и 70 лет назад, при Барсове, считают, что во вступлении автор размышляет только о стиле, его интересует форма сама по себе, форма как таковая.

«„Слову о полку Игореве“ автор предпослал небольшое вступление и, прямо не связанное с дальнейшим изложением, оно занимает в составе „Слова“ вполне самостоятельное место и легко выделяется даже при беглом просмотре текста.

¹ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., т. II, 1887, стр. 3—5.

² В. А. Келтуяла. Слово о полку Игореве. М., 1928, стр. 71.

«Посвятил его автор не Игорю, не его походу на половцев, а своему собственному произведению — его содержанию, его художественной форме. Как повести речь, какого принципа изложения придерживаться — вот вопрос, который здесь занимает автора».¹ Это пишет И. П. Еремин, и это сегодня общая точка зрения,

«Автор обращается к читателям с вопросом, как ему излагать повествование о тяжелом по последствиям походе Игоря, в старинной ли манере певца-гуслира Бояна, воспевшего события XI и начала XII в. ... или начать эту песнь как реалистическое изложение действительных фактов»,² — писал С. А. Бугославский в 1938 году.

«... основные части „Слова о полку Игореве“ предваряются размышлением автора о стиле для „трудных повестий о полку Игореве“, причем он склоняется „начать“ свою „пѣснь“ „по былинамъ сего времени, а не по замыслению Бояню“ (былины — действительность, замысление — фантазия)»,³ — писал А. С. Орлов в 1946 году.

«Автор „Слова“ отказывается начать свое повествование в старых выражениях и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени»,⁴ — пишет Д. С. Лихачев в 1950 году, повторяя эту точку зрения в 1953⁵ и в 1954 году.⁶

Может быть, некоторые исследователи возразят, что они не считают, подобно Еремину, вступление самостоятельным местом, не связанным ни с дальнейшим изложением, ни с основной идеей произведения. Но, рассматривая вступление как размышление только о стиле, они тем самым становятся на точку зрения Еремина, так как в дальнейшем тексте «Слова» автора волнуют вопросы отнюдь не литературной борьбы.

Итак, по установившемуся мнению, автор «Слова» стоит перед выбором, следовать ли ему манере Бояна или былинам сего времени, и выбирает второе. Это решение автора объясняется тем, что Боян был в плену своей бурной фантазии и «совершенно оторван от жизни» (И. У. Будовниц),⁷ «с историческими событиями обращался вольно, свободно, подчиняя их своей фантазии, приближая их к типу сказок» (И. Новиков),⁸ наконец, «был романтик, растекавшийся „мыслью по древу“ и т. д. (Н. И. Сутт).⁹ Эта же мысль проводится в последнем научном издании «Слова о полку Игореве», в объяснительном переводе Д. С. Лихачева: «Боян, вещий, если кому хотел песнь сложить, то (вместо того, чтобы следовать «былинам сего времени», так и) растекался мыслью по древу» и т. д.¹⁰

Первые издатели «Слова» писали о Бояне: «из некоторых в пример здесь приведенных слов его (Бояна, — В. С.) явствует, что Боян воспевал всегда важные происшествия и изъяснял мысли свои возвышенно».¹¹

¹ И. П. Еремин. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия. В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 100.

² С. А. Бугославский. Слово о полку Игореве. М., 1938, стр. 11.

³ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946, стр. 29.

⁴ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 76.

⁵ Слово о полку Игореве. (Библиотека поэта, малая серия). Л., 1953.

⁶ Слово о полку Игореве. Детгиз, М.—Л., 1954.

⁷ И. У. Будовниц. Идейное содержание «Слова о полку Игореве». Изв. АН СССР, сер. истории и философии, 1950, т. VII, № 2, стр. 154.

⁸ Слово о полку Игореве. Перевод, предисловие и пояснение Ивана Новикова. М., 1938, стр. 72.

⁹ Н. И. Сутт. Слово о полку Игореве. «Новый мир», 1938, № 5, стр. 254.

¹⁰ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 76.

¹¹ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 2 (перепечатка первого издания).

Нельзя не согласиться с Д. С. Лихачевым, признающим, что «слова эти справедливы до сих пор. Многочисленные догадки о том, кто был этот певец — поэт Боян, пока что произвольны».¹ Произвольны и не обоснованы, на наш взгляд, и догадки об оторванности Бояна от действительности. Сам текст «Слова о полку Игореве» не дает нам никаких оснований думать, что его автор считал Бояна певцом, искажающим исторические факты. В произведении нет ни одного места, где бы прямо или косвенно говорилось о вымысле, домьслахе, обмане или «романтизме» Бояна. Еще более произвольным кажется нам мнение И. У. Будовница, что Боян увлекался «показной стороной дела, звоном мечей и топотом коней, батальными картинками и описанием удайства русских сынов, независимо от того, к чему это удайство привело».² Все высказывания поэта о Бояне говорят как раз о том, что отношение автора к певцу было противоположным тому, которое ему приписывают. Автор «Слова» постоянно называет Бояна вещим, т. е. «сведущим, мудрым, знающим то, что другим не дано знать».³ Приведенная в «Слове» боянова характеристика князю Всеславу: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути», кажется автору правильной, точной оценкой деятельности этого князя, он даже нашел возможным сослаться на нее. Как сообщает автор «Слова», темами песен Бояна были дела исторических личностей: князей Ярослава, Мстислава, Романа и др.

Говоря о фантазии Бояна, о его отрыве от жизни, чаще всего ссылаются на следующее место произведения: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы». Из этого замечательного поэтического образа можно заключить только то, что Боян был певцом искусным и вдохновенным, но этот образ не дает никаких оснований для утверждения об оторванности Бояна от действительности или об искажении им действительности. Таким образом, видеть в замыслениях Бояна вымыслы абсолютно беспочвенно.

Многие исследователи считают, что во вступлении автора волнует вопрос жанра. «Буйной фантазии Бояна» он хочет противопоставить свой рассказ «по быдинам сего времени», т. е. «в соответствии с историческими повестями (разрядка моя, — В. С.) своего времени».⁴ Эта точка зрения, встречающаяся и сегодня, отразившаяся даже в школьных и вузовских учебниках, ведет свое начало тоже от трудов Вс. Миллера и Е. В. Барсова. Но последовательного рассказа, как в повестях или в летописи, в «Слове о полку Игореве» мы как раз и не находим. Получается явное противоречие, давно уже замеченное: «... на словах отказавшись следовать за Бояном, — пишет Н. К. Гудзий, — автор то и дело идет по его стопам и вместо традиционной воинской повести создает одновременно страстную лирическую песню и волнуемое публицистическое произведение, сам становясь судьей не только настоящего, но и прошлого русской истории, неоднократно отвлекаясь от описаний, чтобы перейти к рассуждениям и размышлениям».⁵ При таком толковании вступление теряет всякий смысл, так как автор следует как раз обратному тому пути, который он только что избрал. Теперь оно уже не имеет ни смыслового, ни композиционного значения.

¹ Слово о полку Игореве (Библиотека поэта, малая серия), Л., 1949, стр. 166.

² И. У. Будовниц, ук. соч., стр. 155.

³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1. СПб., 1893, стр. 502.

⁴ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1953, стр. 125.

⁵ Там же, стр. 125.

На наш взгляд, такая традиционная трактовка вступления неверна. Вступление «Слова о полку Игореве» — это не нечто самостоятельное, оторванное от дальнейшего повествования, а, напротив, органическая часть плана и композиции, тесно связанная с основной идеей произведения: «призывом русских князей к единению» (К. Маркс). Оно заключает в себе не просто выбор формы для произведения, а нечто большее.

«Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню».¹

В большинстве комментариев к этим строкам говорится, что автор колеблется, размышляет, как ему лучше начать свое произведение, выбирает путь, иными словами, ему еще самому не ясно, как лучше повести речь. Но в подлиннике нет никаких колебаний, автор ничего не спрашивает, ни в чем не сомневается. Перед нами типичный риторический вопрос, в котором сочетание «не... ли» всегда выражает усиление утверждения, бесспорность, несомненность высказываемой мысли. Этот оборот имеет широкое распространение как в древней, так и в новой литературе. Например, у Серапиона Владимирского: «Какия казни от бога не въсприяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? Не взяти ти быша гради наши...».² Или в «Повести временных лет»: «Брате! Не тужи. Видиши ли, колико ся мнѣ сключи: первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? .. Не изгнанъ ли бѣхъ от ваю... Не блудилъ ли бѣхъ по чюжим! землямъ».³ Ср. у М. Ю. Лермонтова: «В наш век изнеженный не так ли ты, поэт, свое утратил назначенье».

Таким образом, если автор спрашивает: «Не лѣпо ли... начяти старыми словесы», то он знает, уверен, что «начяти старыми словесы» было бы «наилепейшим».

Следующая часть разбираемого куска как будто приходит в противоречие с первой частью при такой трактовке: «Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню». Исследователи видят здесь отказ автора начать свое повествование по-старому, желание его вести рассказ «по былинам сего времени». Выбирая, автор, по их мнению, склоняется начать по-новому. Исследователи видят у автора свободу выбора, в то время как сам автор самой конструкцией фразы эту свободу у себя отрицает. Необходимо обратить внимание на безличнострадательный оборот в этой фразе. Не автор начнет, а самой песне начаться по былинам сего времени. Использованная в этом выражении неопределенная форма глагола («начати ся») в русском языке часто употребляется для того, чтобы подчеркнуть неизбежность, неминуемость, неотвратимость того, что должно случиться независимо от чьей-либо воли. Этот оборот мы часто встречаем в русских пословицах и поговорках: «Чему быть, того не миновать», «Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить», «Так тому и быть», «Быть бычку на веревочке» и т. д. Этот же самый оборот и в этом же самом значении неизбежности мы встречаем и в «Слове о полку Игореве» в приведенной автором припевке Бояна: «Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути».

По справедливому замечанию Е. В. Барсова, частица «же» («начати же ся») в данном контексте значит «но нет»⁴ и тем самым еще больше

¹ В дальнейшем текст «Слова» цитируется по: Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 1—31.

² Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888, Приложение: Поучения Серапиона Владимирского, стр. 5.

³ Повесть временных лет. Т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 132.

⁴ Е. В. Барсов, ук. соч., т. III, М., 1889, стр. 254.

усиливает невозможность выбора: должно, необходимо начать произведение «по былинам сего времени», а не «по замышлению Бояню»; иначе нельзя, хотя автору, наоборот, нравятся как раз больше «старые слова», он бы хотел начать именно «по замышлению Бояню».

В чем же автор видит разницу между своим произведением и песнями Бояна? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уточнить значение в данном контексте слова «начати».

Автор мог употребить это слово для того, чтобы просто сообщить, что приступает к повествованию. Так начинаются, например, «Поучение правые веры душеполезно» («Почну же глаголати не завито, ни покровно, да всяк начнет разумети») ¹ и «Путешествие в Царьград» архиепископа Антония («С богом починаем сказание мест святых во Царьградѣ»).² В первом примере говорится о стиле произведения, во втором — о теме. Но в обоих случаях слова «почну», «починаем» имеют только служебный характер, утрачивая до некоторой степени свое самостоятельное, первоначальное смысловое значение.

Но возможен и другой вариант. Одним из излюбленных стилистических приемов древней литературы является вступление в виде размышления, как или с чего начать повествование, т. е. автор говорит о том, каким должно быть вступление, именно начало произведения. Примеры таких вступлений уже приводились И. П. Ереминым. Таково, например, вступление седьмого слова Кирилла Туровского: «Приди ныня духомъ священный пророче Захарие! начаток слова дая нам от своих прорицаний о вознесении на небеса господа бога и спаса нашего Исуса Христа». ³ В приведенном примере Кирилл по существу сообщает, как начнется его слово (ср. у Либания-софиста: «Не своевременно ли будет, государь, начать нам речь в похвалу твоего славного пришествия словами лесбосца Алкея: „Ты являлся от пределов земли“?» ⁴).

Автор «Слова о полку Игореве» использует этот же последний прием. Не стиль вообще, а именно характер начала интересует его в данном случае. Подтверждением этому служит сама конструкция фразы «начати старыми словесы трудныхъ повѣстий», которую, мы считаем, следует переводить «начать старыми словами трудных повестей»: начать (как?) старыми словесы (какими?) трудных повестей; (повестей — родительный определительный падеж, относится к «словесы»). При таком прочтении слово «начати», не имея при себе дополнения, полностью удерживает свое собственное смысловое значение начала действия.

Представленное прочтение было известно уже давно.⁵ Но в большинстве переводов и, в частности, в последних разбираемое место переводится иначе: «начать старыми словами трудные повести», где слово «повѣстий» является дополнением к «начати». Эта точка зрения кажется нам неправильной. Автор все время говорит о своем произведении в единственном числе («Слово о полку...», «начати же ся тѣй пѣсни», «почнемъ... повѣсть сию»), а в рассматриваемом случае — множественное. Сторонники этой точки зрения пытаются провести аналогию между «Словом» и «Повестями временных лет», где в заглавии тоже стоит множе-

¹ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3. СПб., 1897, стр. 23.

² Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872, стлб. 65.

³ К. К а л а й д о в и ч. Памятники российской словесности XII века. М., 1821, стр. 65.

⁴ И. П. Еремин. Слово о полку Игореве. Ученые записки ЛГУ, сер. филолог. наук, вып. 9, Л., 1944, стр. 9.

⁵ См., например: Вс. Ф. М и л л е р, ук. соч., стр. 180; Слово о полку Игореве. Под ред. С. Шамбинаго и В. Ржиги, «Academia», М.—Л., 1934, стр. 143.